

В декабре 1992 года Председатель Верховного Совета Российской Федерации Руслан Имранович Хасбулатов совершал поездку по Сибири. После посещения Новосибирска он прибыл в соседнюю область. В аэропорту его встречали глава администрации области, представители профсоюзов и политических партий левой направленности. Произнеся краткую приветственную речь, Хасбулатов поехал в гостиницу отдохнуть с дороги, а начальник его личной охраны и референт решили осмотреть областной театр оперетты, где в субботу, 19 декабря, должна была состояться встреча Руслана Имрановича с областными чиновниками и представителями трудовых коллективов промышленных предприятий области.

Перед выступлением высокого московского гостя сотрудники милиции проверили театр оперетты несколько раз, даже служебно-разыскную собаку, натасканную на поиск взрывчатки, в зрительный зал выпустили. Собака-ищейка была умная, но голодная. Пробежав по залу, она почувствовала запах мышей, живших под сценой, и сосредоточилась на поиске щели в углу у лестницы. Внимательно наблюдавший за ее действиями кинолог сделал вывод, что взрывчатки в зале нет, и увез собаку в питомник.

Начальник охраны Хасбулатова местной милиции не доверял. С непроницаемым выражением лица он выслушал доклад о готовности здания к выступлению спикера парламента и стал лично обходить складские и служебные помещения. За ним следом, как нитка за иголкой, потянулись несколько человек в камуфляжной форме с пистолетами Стечкина на боку, референт в модной итальянской дубленке и два представителя правоохранительных органов принимающей стороны. От МВД парламентскую делегацию должен был сопровождать заместитель начальника областной милиции, но он сказался больным и отправил вместо себя Романа Георгиевича Самойлова, исполняющего обязанности начальника УВД областного центра. Вторым местным силовиком был подполковник Министерства безопасности России Цветков.

Закончив осмотр, начальник охраны спустился в фойе и сообщил местным силовикам результаты проверки:

— В здании все подготовлено, замечаний нет. Внутри театра до утра останется наша охрана. Никого посторонних в театре быть не должно. В восемь утра я проведу повторный осмотр, и тогда начнем подготовку к визиту Руслана Имановича.

Не попрощавшись, главный телохранитель спикера уехал. Референт и несколько мужчин в камуфляже остались в фойе.

— Вы можете быть свободны, — сообщил референт Самойлову и Цветкову. — У нас это не первое выступление. Ребята знают, как действовать.

Роман Георгиевич и чекист вышли из театра. Цветков сел в поджидавшую его «Волгу» и укатил на площадь Советов. Самойлов остался на крыльце. Закурил, посмотрел на крышу жилого дома сталинской постройки напротив театра, усмехнулся.

«Какой добросовестный начальник охраны у Хасбулатова! Во все закоулки в театре заглянул, гримерки актеров проверил, а крышами и чердаками в зданиях напротив театра даже не поинтересовался. Завтра московский гость помпезно подъедет к парадному входу, отщипнет кусочек хлеба от каравая, макнет в солонку. Минут пять он, не прикрытый телохранителями, будет стоять спиной к проспекту. Притаившийся на крыше снайпер снимет его с первого выстрела. Спрашивается, к чему вся эта показуха, если потенциально опасные точки никто не проверял, люки на чердак не печатавал?»

— Роман Георгиевич, — к Самойлову подошел командир батальона патрульно-постовой службы Стародумов, — как посты расставлять будем?

— Сними с маршрута два экипажа. Первый автомобиль поставим у служебного входа, второй — вот тут, на площади перед театром.

— Э нет, так не пойдет! — вмешался в разговор референт, неожиданно появившийся рядом с милиционерами. — Автомобиль патрульно-постовой службы поставьте между зданием театра и жилым домом. На прилегающей к театру площади автомобиль ставить нельзя, это плохо скажется на имидже Руслана Имановича. Получится, что мы боимся кого-то, а нам в своей родной стране некого опасаться.

Самойлову захотелось сказать: «Это ты метко подметил, дружище! Твоему боссу в Сибири ничего не угрожает. У нас его никто всерьез не воспринимает. Это в Москве он — фигура, а у нас — болтун из телевизора, пустомеля, заезжий мужичок с ротой охраны из земляков и родственников».

— Вы поняли, как посты расставить? — переспросил референт.

Роман Георгиевич молча кивнул и поехал в управление.

В 22.00 патрульные автомобили заняли посты у театра оперетты, охранники Хасбулатова закрылись в здании изнутри.

В два часа ночи у театра оперетты появился Валерий Оленев, оперуполномоченный шестого отдела¹ городского УВД. Валерий возвращался с веселой пирушки, был в хорошем настроении и слегка пьян. Проходя мимо театра оперетты, он ощутил жгучее желание оповестить мир о своем прекрасном настроении и о девушке Тане, согласившейся встретиться с ним в более интимной обстановке, чем переполненная гостями квартира друзей Оленева. Кричать на улице ночью было неприлично, но чувства рвались наружу, и надо было что-то делать. Но что? Валера хлопнул себя по груди, улыбнулся. Решение найдено! Из наплечной кобуры он достал служебный пистолет, с которым не расставался уже год, уверенным движением передернул затвор, выстрелил в воздух и тут же оказался в свете фар притаившегося в тени патрульного «уазика».

— Что за черт! — пробормотал Оленев, пряча пистолет в наплечную кобуру. — Здесь же не должно быть поста.

— Ты рехнулся? — спросил подбежавший к Валерию командир взвода ППС. — Ты другого места стрелять не нашел?

— А что случилось-то? — не понял Оленев. — Подумаешь, один раз пальнул.

Парадные двери театра распахнулись, и на крыльцо выскочили двое мужчин в камуфляже с пистолетами в руках.

¹ В 1993 году шестые отделы преобразуют в региональные управления по борьбе с организованной преступностью — РУБОП.

АФЕРА ДЛЯ СВОИХ

— Эй! — закричали они. — Что случилось? Кто стрелял?

— Мама дорогая! — изумился Оленев при виде охранников Хасбулатова. — Это кто такие?

— Заткнись, сволочь! — прошипел командир взвода, повернулся к крыльцу и громко сказал: — Никто не стрелял. Машина мимо проезжала, у нее колесо лопнуло.

— Э, какое колесо? Ты нас, наверное, за дурачков считаешь? — закричали охранники. — Ты что, думаешь, что мы звук выстрела от колеса не отличим? Это кто такой рядом с тобой стоит? Террорист? Его из Москвы прислали? Отвечай сейчас же, или мы подмогу вызовем, весь город на уши поставим!

Командир взвода ничего не успел ответить. Со стороны площади Советов на пяточок перед театром оперетты влетел «уазик» командира батальона ППС. С первого взгляда оценив обстановку, Стародумов принял единственно правильное решение — сгреб Оленева в охапку и увез в городское УВД, под защиту родных стен. Охранники Хасбулатова повозмушались еще немного и закрылись в здании. По телефону они доложили о происшествии начальнику охраны, тот выехал из гостиницы на место происшествия, прошелся вокруг здания и уехал назад. Разбуженный среди ночи Хасбулатов выслушал доклад начальника охраны, подумал и сделал вывод:

— Это люди Ельцина нас провоцируют на ответные действия. Мы на мелкие провокации поддаваться не будем, сделаем вид, что ничего не произошло. Ельцин должен понять, что в Сибири народ за нас, за Верховный Совет, а не за него, узурпатора.

На рассвете командир взвода нашел на обочине дороги отстрелянную гильзу и зашвырнул ее через дорогу

в сугроб. Оставлять вещественное доказательство при себе он не рискнул — вдруг чекисты нагрянут, обыск учинят, объясняйся потом, откуда гильза в кармане взялась.

Дежурный по городскому УВД, узнав о происшествии, вызвал начальника управления. Приехав на работу, Роман Георгиевич устроил Оленеву грандиозную выволочку.

— Ты специально у театра оперетты пострелять решил? — кричал он на поникшего оперуполномоченного. — Скажи спасибо, что охрана Хасбулатова по тебе огонь не открыла. Изрешетили бы тебя, как дуршлаг, и доложили бы Руслану Имрановичу, что уничтожили опасного террориста.

— Я не знал, что к нам Хасбулатов приехал, — оправдывался Оленев. — Честное слово, не знал.

— Признавайся, зачем ты стрелял? — потребовал Самойлов. — Покуражиться решил, смелость свою показать?

— Роман Георгиевич, — взмолился Оленев, — я не виноват! Я же не знал, что к нам московская делегация приехала. Шел мимо и выстрелил... от избытка чувств. Я с такой девушкой познакомился, что мне хотелось всему свету рассказать, какая она классная.

Самойлов разом успокоился и повеселел. Чужая глупость иногда настраивает на миролюбивый лад.

— Как мне тебя наказать? — спросил он Оленева. — Выбирай: выговор или строгий выговор?

— Выговор, конечно, — пробормотал оперуполномоченный. — За один-единственный выстрел в воздух строгий выговор — это много. Да и не хотел я на неприятности нарываться. Просто так получилось: он приехал, я пришел, и мы столкнулись там, где не надо. Сидел бы он в своей Москве, пререкался с президен-

том, над депутатами прикалывался. Они каждый день по телевизору такую чушь несут, что непонятно, откуда репортаж ведут: из парламента или психбольницы.

— Не твое дело народных избранников критиковать, — засмеялся Самойлов. — Тем более что ты им — брат родной. Они в словоблудии соревнуются, ты — перед театром оперетты стреляешь. Интересно, если бы ты пальнул перед зданием Верховного Совета, они бы твою шутку оценили или упекли бы тебя на лесоповал лет на десять?

Роман Георгиевич нажал кнопку прямой связи с дежурной частью, вызвал начальника смены.

Старший оперативный дежурный появился так быстро, словно ожидал вызова за дверью, а не двумя этажами ниже.

— Сергей Дмитриевич, — обратился к нему Самойлов, — оперуполномоченный Оленев вчера пренебрег правилами безопасности при чистке оружия в оружейной комнате и допустил случайный выстрел. Не дожидаясь утра, подготовьте рапорт о происшествии, поищите гильзу. Я думаю, она под стеллажи с оружием закатилась.

— Все сделаем, Роман Георгиевич! — заверил дежурный.

— Оленев, — продолжил Самойлов, — иди в дежурную часть, напиши объяснение об утрате патрона и до утра оставайся в управлении. Мало ли что может случиться!

В дежурной части Сергей Дмитриевич отобрал пистолет у Оленева, выстрелил из него в пулеуловитель, подобрал с пола пустую гильзу и приобщил ее к рапорту. На место отстрелянного боеприпаса вложил свой неучтенный патрон. Утром Самойлов ознакомился с рапортом дежурного и наложил на него резолюцию:

«В приказ по личному составу. За проявленную халатность при обращении со служебным оружием Оленеву — выговор».

На этом забавное ночное происшествие закончилось, не причинив никому особого вреда. Последствия необдуманного поступка Оленева наступят через месяц, в январе.

2

В связи с приездом московской делегации суббота была объявлена в городском УВД рабочим днем, но работать в свой законный выходной день никто из сотрудников милиции не собирался. Сразу же после развода оперативники и следователи собрались в кабинете Воронова — обсудить ночные приключения Оленева.

— Повезло тебе, Валера, — высказал общее мнение Владимир Бериев. — Роман Георгиевич пока пребывает в благодушном настроении. В январе его утвердят в должности, и он начнет гайки закручивать, за каждый патрон отчет требовать.

— Мужики, пива ни у кого нет? — жалобно простонал Оленев. — Колосники горят, спасу нет. Вчера ночью все нормально было, а сегодня с утра сушняк душит.

— Ты, хасбулатовский стрелок, о спиртном даже не думай! — сказал Ефремов. — Начнутся разборки, дернут на ковер, а от тебя перегаром за версту нести будет. Чтобы в норму прийти, попей крепкого горячего чая. Крепкий сладкий чай — лучшее средство от алкогольного отравления.

— Я выпил-то вчера совсем ничего, так, за компанию пару рюмок пропустил, а сегодня трясет всего и ломает, как алкоголика. Это все стресс, а его чаем не снимешь! — объяснил свое состояние Оленев. — Глоток пива сделаю, хуже не будет.

— По этой дороге Хасбулатов на завод «Строймаш» поедет? — перебил страждущего товарища оперуполномоченный Киселев. — Между институтом и швейным училищем проспект как на ладони.

Мужики заинтересовались, подошли к окну.

— Если из гранатомета шархнуть, как раз в его машину попадешь, — со знанием дела сказал Бериев.

— Ты что, с катушек съехал? — набросился на него Никифоров. — Как ты из гранатомета в закрытом помещении стрелять будешь? Куда у тебя струя от ракеты пойдет? В стену за твоей спиной?

— Что ты мне прописные истины талдычишь? — набычился Бериев. — Я в армии из гранатомета стрелял и знаю, какая у него струя и в какую сторону она пойдет. Перед тем как стрелять, надо окно и дверь открыть, тогда никаких помех не будет.

— Из РПГ в лимузин не попадешь, — оценив расстояние до проспекта, сказал Ефремов. — Перед проездом кортежа Хасбулатова проспект перекроют. Его автомобиль будет мчаться на скорости километров сто, не меньше. Ты даже прицелиться не успеешь.

— Наводчика надо на улицу послать, — предложил кто-то из оперов, — он отмашку даст, и можно будет на опережение стрелять.

У окна начался спор: можно ли попасть из гранатомета в автомобиль, если он появится между домами всего на пару секунд? Большинство спорщиков склонялось к мнению, что по движущейся мишени прицельно не выстрелить.

«Знал бы Хасбулатов, какие вопросы в городской милиции обсуждают, — подумал Лаптев. — Вот бы он подивился! А еще забавнее было бы, если бы сейчас с гранатометом в руках вошел Самойлов и сказал, что надо шархнуть по автомобилю Хасбулатова. Все бы

сразу же нашли сто причин, лишь бы стрелять не заставили. Бериев первым бы сказал, что РПГ в первый раз в глаза видит и не представляет, с какой стороны в него гранату вставляют».

Дверь в кабинет распахнулась, и вошел замполит управления, но без гранатомета, с ежедневником под мышкой.

— Вот вы где все собрались! — весело сказал он. — И ты, герой дня, тоже здесь? Как головка-то, не побаливает? Руки с перепоя не трясутся?

— Ничего у меня не болит, — пробурчал в ответ Оленев.

— Александр Евгеньевич, — Ефремов встал, прикрыв собой Оленева, — ответьте мне на один животрепещущий вопрос: в честь чего сегодня рабочий день объявили?

— Ты разве не знаешь? — «удивился» замполит. — К нам с рабочим визитом Хасбулатов приехал.

— Вот и я про то! К нам приехал председатель парламента, а мы сидим на работе, словно он не государственный деятель, а глава бандитской шайки. Чего мы от его визита ждем? Погромов, что ли? Я понимаю, когда на праздник усиление объявляют. В праздник люди пьют, воруют, режут друг друга, но приезд Хасбулатова не праздник. Рюмку за его здоровье никто не поднимет, так чего мы ждем?

— Не занимайся демагогией! — одернул Ефремова замполит. — Не мне и не тебе решать, когда и по какому поводу объявлять усиление.

— Во сколько Хасбулатов в театре оперетты выступление закончит? — спросил Лаптев.

Замполит обрадовался перемене разговора и пояснил:

— В час дня Руслан Имранович закончит встречу с активом области и поедет на завод «Строймаш». Там

он встретится с коллективом предприятия, пообедает в ресторане «Сибирь» и вылетит в Томск. Часов в пять он должен быть в аэропорту.

— У нас же нет прямого рейса до Томска? — не подумав, спросил стажер Тягур. — На чем он полетит?

— Володя, ты, ей-богу, как дитя малое! — засмеялись мужики. — У Хасбулатова собственный самолет «Ту-154», а ты его захотел на регулярном рейсе отправить?

— До особого распоряжения всем быть на месте, — напомнил замполит и вышел.

— Наш Руслан Имранович как царь путешествует, — посмотрев вслед замполиту, сказал Бериев. — У Николая II собственный поезд был, у Хасбулатова — самолет.

— О, про царя! — восторженно воскликнул Воронов. — Расскажу вам почтенный случай, который в один миг изменил мое отношение к Николаю II.

Мужики замолкли, расселись кто куда. Воронов был отменный рассказчик, и истории с ним приключались — заслушаешься. Одна байка об отмене собственной свадьбы чего стоила!

— В прошлом году, — начал Воронов, — в мае, пришла разнарядка — отправить одного следователя на курсы повышения квалификации в Свердловский юридический институт. Коллеги как узнали об учебе, так тут же каждый нашел сто причин, лишь бы не ехать. У всех, как по команде, жены заболели, дети захворали, престарелым родителям некому помочь картошку высаживать. Я тоже решил отмазаться и говорю: «Меня на учебу отправлять смысла нет. Я только в прошлом году диплом получил и еще ничего забыть не успел». Самойлов выслушал всех и отправил на учебу меня. Говорит: «У тебя детей нет, картошку сажать не надо, так что ты — наш